

Тема страха в нарративах потомков столыпинских переселенцев

Елена Викторовна Миненок

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. Статья посвящена теме страха (рационального или иррационального) в семейных нарративах, записанных от потомков столыпинских переселенцев в Восточную Сибирь, проживающих в д. Жизневка Заларинского района Иркутской области. Наиболее часто тема страха встречается в местных быличках о лешем, причем и сегодня яркую эмоциональную реакцию вызывает не только любая потенциальная коммуникация со сверхъестественным существом (например, очень опасно наступить на след лесного, так как он обязательно уведет человека с собой), но и сам рассказ о ней.

Обычным людям в таких рассказах противопоставляется «знающий человек», который умеет с помощью заговоров вернуть человека из леса. Зафиксированные фольклорные фабулаты и мемораты циклизуются вокруг местного знахаря-колдуна (переселенца из бывшего Быховского уезда Могилевской губернии), который, по словам рассказчиков, привез с собой книгу черной магии и умел общаться с духом леса. Свои «знания» он передал дочери, о которой также продолжают бытовать многочисленные мифологические рассказы. Именно к ней обращались в самых безнадежных случаях люди со всей округи (поиск самойбийи, повесившихся в лесу, заблудившихся и т. д.).

Устные нарративы, записанные от потомков знахаря, отличаются интересными, редко встречающимися деталями магических практик, применяемых для того, чтобы обезопасить человека от лешего и преодолеть страх перед хозяином леса.

Ключевые слова: русский фольклор, страх в фольклоре, мифологические рассказы, леший, столыпинские переселенцы в Восточную Сибирь.

Дата поступления статьи: 24 марта 2021 г.

Дата публикации: 25 июня 2021 г.

Для цитирования: Миненок Е. В. Тема страха в нарративах потомков столыпинских переселенцев // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 2. С. 81–90.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.006>

В новейших работах отечественных исследователей достаточно подробно проанализирована эмоция страха применительно к детскому фольклору [Басангова 2016; Осорина 2019¹; Чуфистова 2019; Мирвода, Строганов 2021 и др.]. Однако страх как эмоциональный контекст современных фольклорных нарративов не-

редко остается на периферии исследовательского внимания.

Тема страха и его преодоления — одна из центральных в семейных рассказах о предках — переселенцах в Восточную Сибирь по Столыпинской реформе. С одной стороны, реформа дала возможность миллионам крестьян реализовать их

¹ См., например, главу «Детская практика посещения “страшных мест”».

мечту — своим крестьянским, свободным трудом обеспечить себе безбедную жизнь. С другой — решение о добровольном переселении из родового места в Восточную Сибирь, как правило, принималось под давлением очень сложных житейских обстоятельств. В семейных рассказах потомков переселенцев² упоминаются такие невзгоды, как полное безземелье, пожар, невозможность продолжить свой род из-за отсутствия жилья («женились, и даже угла в избе не было»), смерть жены в многодетной семье, сложные конфликты с родственниками и т.д., другими словами, основной мотивацией исхода из родных мест были не ожидания лучшей доли на новом месте, а непереносимые тяготы жизни на старом месте.

Информанты, которые застали своих бабушек и дедушек, непременно упоминают в воспоминаниях о старших родственниках сильное чувство страха, которое испытывали предки-переселенцы по дороге в неведомую Сибирь и в первые годы жизни на новом месте: *«Бабушка Акулина привезла свою мать, их две сестры были, Анна и Акулина, они обои приехали, и отец был, ну, они как приехали, тут же... ну, страшно же было, приедь-ка со своего родного места, и они сильно плакали одного, сильно плакали... Одеваться, там же одевались тонко, а тут приехали — такой мороз, ага!»* (Зап. от А. Г. Новик, 1942 г.р., д. Ахины, Эхирит-Булагатский р-н, Иркутская обл.) [ФК ИМЛИ. 2015].

В Иркутской области крестьяне из Западного края Российской империи, в которую входили современные территории Минской, Могилевской и Витебской областей, водворялись в двух совершенно различных ландшафтных зонах — в тайге и в степи. И та и другая были незнакомы землепашцам, прибывающим с западных окраин страны. К тому же для восточнославянского уха непонятно и пугающе звучали бурятские названия близлежащих рек, озер, холмов и падей: переселенцы не

переименовывали ландшафтные звенья, а усваивали топонимы от соседствующего коренного населения, преимущественно бурят. Поэтому к рациональному страху от самого факта водворения на новые, неизвестные земли (причем решившиеся на такой шаг крестьяне понимали, что уезжают из родных мест навсегда, обрывая все семейные и социальные связи) добавлялся и страх иррациональный: духи чужой земли также были чужими.

Качество и разнообразие фольклорного материала, записанного от представителей третьего и четвертого поколений потомков переселенцев, свидетельствует, что сами переселенцы (поколение бабушек-дедушек/прабабушек-прадедушек) были, бесспорно, подлинными знатоками своей локальной традиции, причем в полном ее объеме, включая различные жанры музыкального и прозаического фольклора. Практически в каждой семье сохраняются нарративы о тех или иных мифологических персонажах, представления о которых предки-переселенцы перевезли на новые земли. Таким образом постепенно чужая земля заселялась своими духами.

При общей схожести мифологических рассказов о духах дома и природы в нарративных репертуарах потомков переселенцев сюжеты о встрече человека с лесным и русалками распространены исключительно в селах, расположенных в таежной зоне южной части Иркутской области. Приведем образец подобного нарратива: *«Вспомнила! Отец рассказывал, значит, вот, вот туда вот, говорит, что там нечисто место, русалка там всегда. И он... папка не врал, видимо. Мы сначала думали: он нам сказки придумывает. Вот за этим бугром, там, как это, Мельгитуй³, да⁴? Называется Мельгитуй. Здесь же вот еще все пади как-то называются. Мельгитуй, вот почему Мельгитуй? Мельгитуй, Мельгитуй. И вот там было поле тоже. Он говорит: “Я пахал”. И это, ну, он с напарником пахал, да? Они в ночь пахали же, работали на тракторе.*

² Как правило, это детские воспоминания их внуков и правнуков, которым сегодня 55–75 лет.

³ *Мельгитуй* — искаженное название населенного пункта Мельхитуй в соседнем Нукутском районе. Топоним произошел от бурятского *мульхэтэ* — ледяной, поскольку рядом с деревней располагался вход в Балаганскую ледяную пещеру, затопленную при строительстве Братского водохранилища.

⁴ Запись велась в присутствии сестры рассказчицы, Зинаиды Ивановны Маслаковой (1951 г.р.), к которой Лидия Ивановна постоянно интонационно обращалась.

И спать захотел вообще. Напарнику: “Давай ты езжай, попаши, а я тут маленько прилягу”. И это... Он говорит: “Я только прилег, — грит, — пришли ко мне девки! Да такие красивые, — грит, — девки пришли. Ну. “Сейчас, мол, съдем, покатаеишь нас?” Он грит: “Ну, сейчас приедет — покатаю, садитесь”. Ну. “То ли я задремал, то ли... Но они, — грит, — приходили эти девки, русалки приходили”. Ну, говорят, что там блудили всегда в Мельгитуе. “Он, говорит, проиёл круг, приехал, — говорит, — я, — говорит, — посмотрел: ни девок никаких, никого нету”. Вот было такое видение. И папка не раз рассказывал, все время. Помнишь, да? Рассказывал, что было это такое. Ну, он грит: “Красивые девки такие вот”. Мы чо-то подробности не эмот... <Соб.: Много?> Двое что ли, он сказал, пришли девушки. Он говорил, что у них длинные волосы, такие косы длинные. **Сама говорю — шерсть дыбом становится**» (Зап. от Л.И. Гавриковой, 1955 г.р.)⁵ [ФК ИМЛИ. Файлы ZOOM0156–0157].

Акцентирование внимания слушателей на остро переживаемом чувстве страха не только во время встречи (личной или другого человека) с мифологическим персонажем, но и в процессе рассказа о данном событии характерно для информантов из самых разных восточнославянских регионов [Миненок 2004; Площук 2017]. В то же время спектр эмоциональных реакций на событие встречи со сверхъестественным явлением (в частности, с лешим) может быть достаточно широким, вплоть до смеховых [Мороз, Петров 2015, 267–304]. Об отрицании *страшного* свидетельствует и бытование в традициях так называемых антибыличек — нарративов, строящихся на реалистичном объяснении

фантастического [Миненок 1993], однако в нарративной традиции потомков переселенцев в Восточную Сибирь антибылички не зафиксированы и смеховые реакции на *страшное* не встречаются.

Раскорчевка тайги под будущие поля, строительство шалашей и землянок, в которых предстояло провести первую сибирскую зиму, отсутствие опыта жизнеустройства на новом месте, незнание деталей местной флоры и фауны, отсутствие природных источников воды в степной зоне — все эти базовые обстоятельства новой жизни ставили приехавших крестьян в особую зависимость от погодных условий и природного ландшафта. Дополнительные трудности социального характера вызывались необходимостью заново строить отношения с незнакомыми соседями, поскольку местные землеустроители, руководствуясь Законом от 9 ноября 1906 г. «О выходе из общины», расселяли прибывающих из одного и того же уезда (а иногда и из одной и той же деревни или семьи) крестьян в разные населенные пункты. Из-за этого в одной и той же деревне могли быть концы улиц, заселенные жителями из территориально отдаленных губерний, например: Гродня, где селились семьи, приехавшие из Гродненской губернии, и Витебщина, где селились выходцы из Витебской губернии⁶.

Неудивительно, что в таких сложнейших условиях в каждом вновь образованном пункте с населением даже в сто человек были востребованы три-четыре знахаря⁷, которые находились в постоянной «конкуренции», при этом женщины-знахарки были еще и повитухами. Рассказы о местных знахарях составляют пласт нарративов, с которым знакомы все поколения потомков столыпинских переселенцев.

⁵ Все приведенные здесь и далее фольклорные тексты записаны в д. Жизневка Заларинского района Иркутской области в 2018 г., кроме записи, сделанной от А. А. Румянцевой во время интервью по компьютерной связи в 2021 г.

⁶ Такой метод водворения крестьян сегодня создает серьезные трудности в процессе детальной паспортизации информантов. Как правило, уже третье поколение потомков столыпинских переселенцев не знают не только «материнской» деревни, откуда произошел исход предков их семьи, но и подчас названия губернии, ограничиваясь общим термином, что прадеды приехали «с Расеи», «с Вятки», «с Волги». С потомками белорусских переселенцев ситуация несколько лучше: они, как правило, называют регион исхода — «с Могилевщины», «с Пружан» и т.д.

⁷ В зависимости от точки зрения рассказчика их могут называть *бабушками* и *дедушками*, *колдунами* и *колдуньями*, *ведьмаками* и *ведьмами*, *чаровниками* и *чаровницами* и т.д.

Несомненной удачей фольклорной экспедиции⁸ отдела фольклора ИМЛИ летом 2018 г. была запись корпуса текстов (54 нарратива) о знахаре-переселенце Тихоне Кондратьевиче Петрусе (при водворении был записан как Петрусев⁹) (1886–1969), проживавшем в д. Жизневка Заларинского района Иркутской области. Он переселился с двумя братьями и матерью в Восточную Сибирь предположительно в 1912 г. из д. Журавичи¹⁰. По словам двоюродной правнучки, основной причиной переселения был какой-то конфликт братьев с местной властью (возможно, политического характера), который грозил привести к следственным действиям. В воспоминаниях о своем роде она пишет, что «еще на родине, в Белоруссии, когда он был подростком, старый мельник научил его заговорам. Бережно хранил Тихон тетрадь, в которой были записаны заговоры» [Румянцева 2018, 99]¹¹.

Фольклорные нарративы о Тихоне (Тихоне Кондратьевиче), зафиксированные в 2018 г., по частотности вариантов группируются вокруг следующих сюжетов:

- общался с домовыми и лешими (лесные люди пасли ему коров);
- вывел из ближайшей округи всех змей (варианты: заставлял змей ползти в костер или переползать через реку на другой берег);
- выводил заблудившихся людей из леса (уводил их у леших);
- привез с собой из Могилевской губернии книгу Черной Магии;

— состязался в магии со знахарем из другого рода;

— остановил свадебный поезд за то, что его не пригласили на свадьбу.

По словам информантов, именно знания заговоров позволяли Тихану не бояться леших: «Одна из историй про то, как Тихон как раз встретил в лесу лешего. Эта история... Так... Начинаю нервничать, когда меня записывают. Как рассказывал Тихон, что он был в лесу и увидел, что леший ведет за руку маленькую девочку. А почему он узнал, что это леший, потому что у него был тулуп наизнанку завернут и вот... А... и такая это была даже шинель. Шинель была наизнанку, и по виду он понял, что это леший. И он стал требовать: "Отпусти девочку". Леший его начал прогонять и говорит: "Уйди, не мешай мне. Если ты мне помешаешь, то будут разные проклятья на весь твой род". Но все равно Тихан этого **не испугался** и отбил девочку, которую как раз вернул потом, ну, к людям отвел, чтобы она не досталась лешему. А то, говорит, вот зачастую в де... в лесах стали пропадать дети. После этого леший надолго ушел. <Соб.: Почему он не боялся?> Ну, вот он как раз заговоры какие-то наговаривал» (Зап. от А. А. Румянцевой, 1975 г.р.) [ФК ИМЛИ. 2021. Файл ZOOM0101].

Свои особые знания, привезенные из места исхода, Тихон Кондратьевич передал своей дочери — Анне Тихоновне Петрусевой (в замужестве Черниговой) (1920–2002)¹².

⁸ В состав экспедиции входила интерн отдела фольклора ИМЛИ, студентка университета Hobart and William Smith Colleges (США, штат Нью-Йорк) Александра Куртис (Alexandra Kurtis). Экспедиция была поддержана некоммерческой организацией Partnership for Russian, Eurasian and East European Folklore (ранее — American Friends of Russian Folklore) (URL: <https://preef.org/>). Записи хранятся в Фольклорной коллекции отдела фольклора ИМЛИ: Фонд Е. В. Миненок. Папка 2018-Иркутская область-Жизневка, аудиофайлы ZOOM0041–ZOOM0261.

⁹ Чиновники, выдававшие открепительный талон и лист переселенца крестьянам, желающим выехать, проводили политику русификации: «При оформлении документов на переселенцев в пунктах отправления белорусская фамилия Коваль превращалась в Ковалева, Жук — в Жукова, Равенок — в Равенкова, имя Михась — в Михаила, Томаш — в Фому и т.п.» [Ракито 2011, 132].

¹⁰ По настоящему территориально-административному устройству эта деревня находится в Рогачевском районе Гомельской области Республики Беларусь, до 1919 г. располагалась в Быховском уезде Могилевской губернии.

¹¹ Судьба этой тетради остается неизвестной. Есть сведения, что Тихон Кондратьевич диктовал заговоры своему двоюродному внуку, который был старшим из всего поколения внуков, — Анатолию Михайловичу Петрусеву (1951 г.р.), когда последнему было 10–12 лет. Эта тетрадь тоже не сохранилась.

¹² Фольклорные сюжеты об отце и дочери Петрусевых хорошо известны и в соседних деревнях Заларинского района. Они также опубликованы в качестве местных преданий и легенд на популярном электронном ресурсе Иркипедия. URL: http://irkipedia.ru/content/zalari_mestnye_predaniya_i_legendy (дата обращения: 15 февраля 2021).

Наибольшее количество рассказов, в которых одной из основных тем является тема страха, посвящено сюжетной ситуации *встречи* человека с лешим: кто-то случайно увидел лесных людей на опушке; леший пугал страшными звуками; леший отобрал у охотника дичь и т.д. В связи с широкой распространенностью этих сюжетов в д. Жизневка и в близлежащих населенных пунктах способность упомянутых ранее знахарей (отца и дочери) устанавливать контакт с лешими не ставится под сомнение даже самыми молодыми членами семей потомков переселенцев. О таких *встречах* рассказывают как о регулярно происходивших реальных фактах. Принятие такой позиции — единственно возможная стратегия фольклориста-собираателя: «Достоверность нарратива предполагается исконно, или она нам не так важна, важнее для исследователя отношение рассказчика и слушающего к событиям» [Сморгунова 2012, 42].

В местной традиции к лешим за помощью знахари обращались в двух случаях: поиск заблудившегося в лесу человека (ребенка) или поиск тела самоубийцы, повесившегося в лесу. Последний сюжет записан в 15 вариантах от жителей д. Жизневка самого разного возраста: «Ну, короче, там рассказать много можно. Ну, дело было так. Он выпивал. Что у них там в семье получилось — никто не знает. У них отелилась корова, и он вытащил теленка, веревку положил, что там как положено всё. У жены день рождения завтра. Это первого, наверно, а второго... Вот эти числа... Я потому что, я здесь еще не жила, потому что родители рядом жили, а я так, но я это знаю, ну. И он ушел из дома. День нету, второй нету, и не могут его найти. Всё. И милиция <искала>. Баба Нюра, вот соседка моя искала. Баба Нюра пошла. Какие она слова имела? Она,

говорит, подошла к одной березке — он хотел тут повеситься, ко второй березке, и у третьей березки аж под Мягчинском нашла. Повесился» (Зап. от З.И. Маслаковой, 1951 г.р.) [ФК ИМЛИ. Файл ZOOM0041].

Мягчинск (участок Мягчинский) является населенным пунктом в Заларинском районе. Приблизительное расстояние между д. Жизневкой и Мягчинским участком напрямую три километра, тело самоубийцы нашли на «полпути». Сам факт (подтвержденный многими жителями Жизневки), что знахарка нашла тело самоубийцы в тайге, на расстоянии полутора километров от деревни, где он проживал, вызывает у жителей особое чувство удивления и страха и объясняется исключительно умением знахарки общаться с хозяином леса:

«ЛИГ: Например, вот эта бабушка, которую убили¹³, стопроцентно она могла общаться с лесным.

ЗИМ: Ну, и отец общался, говорят, с ним. (Далее следует нарратив о том, как отец знахарки, дед Тихан, «командовал» змеями. — Е. М.)

ЛИГ: Вот у этой у женщины повесился муж.

ЗИМ: Ну, я рассказывала вчера вам.

ЛИГ: Пошел... Рассказывала, да? И никто же не мог найти. И она же потом этого Генку Наваренко¹⁴ также нашла.

ЗИМ: Да.

ЛИГ: Никто же не мог найти. Она шла, положила хлеб на перекрестки дорог. И всё она... Даже сама баба Настя¹⁵ рассказывала. Царствие Небесное, уже оба умерли. Она говорит: «Пошли его искать, где он висит». В лесу повесился! «Я, говорит, иду. И говорит: «Настя, стой!» Тётка Настя говорит: «Она мне уже говорит: «Стой!» Я уже на него, чуть ли на труп не напёрлась. А он... Я не вижу его. Она говорит мне

¹³ Тема страха в рассказах об этой знахарке определяется и автобиографическим контекстом — трагическим фактом ее гибели от рук мужа внучки. В деревне продолжают бытовать рассказы о поднятии потолка для того, чтобы облегчить ей уход, и о появлении шума и грохота во время поминок по ней, заставивших разбежаться от страха всех поминавших. В ее опустевшем доме заселялись разные жильцы, но жизнь ни у кого не складывалась. Впоследствии в нем произошла еще одна трагедия — повесился молодой человек. После этого дом стал нежилым и со временем развалился. «Оттуда даже ни доски, ни палки никто не хочет брать. Так, кто смелый, может, возьмет. А вообще люди ничего оттуда не берут» (реплика Л.И. Гавриковой, 1955 г.р., произнесенная, когда мы проходили мимо дома, где жила А.Т. Петрусева).

¹⁴ Еще один случай самоубийства в лесу.

¹⁵ Теща самоубийцы.

уже: «Стой! Не видишь, что ли? Висит!» Ну, с лесным она разговаривала. Она знает, как с ним общаться» (Зап. от сестер З.И. Маслаковой, 1951 г.р. и Л.И. Гавриковой, 1955 г.р.) [ФК ИМЛИ. Файл ZOOM0159].

Односельчане в своих воспоминаниях отмечают замкнутость и необщительность Анны Тихоновны. Они практически не обращались к ней в случае болезни, зато около ее дома постоянно стояли дорожные машины, — говорили, что она умела лечить мужское бессилие (импотенцию).

Интересной детализацией отличаются фольклорные нарративы, записанные от родственников Тихона Кондратьевича и Анны Тихоновны. Рассказы-воспоминания потомков об основателе своего рода на новом месте всегда обладают особой информативностью: они освещают фольклорный факт как бы с внутрисемейного ракурса. Когда же речь идет о предке-знахаре (колдуне), многие детали фольклорного повествования фиксируются только в одном варианте — от ближайших родственников.

По словам внуков и правнуков, дед Тихан никогда не скрывал от членов семьи свое умение общаться с домовыми и лешими. Более того, много раз пытался это наглядно доказать: «Вот дед Тихан — это вот точно. Дед мой. Вот это, вот это с Белоруссии который приехал, он знал много. Домовых вызывал, ловил и леших, разговаривал с ними... Ну, он хотел мне показать, внуку, домового. Ну, закричал: «Включай, внучок, свет!» Я пока включил свет — у него фингал, сидит и: «Старый стал, — говорит, — здоровье не то — не мог удержать», — говорит» (Зап. от С.Д. Петрусева, 1958 г.р.) [ФК ИМЛИ. Файл ZOOM0061].

Сейчас, конечно, невозможно выяснить, насколько серьезен был дед в своем желании поймать домового и показать его внуку, но последний, сам давно ставший дедушкой, не считает слова деда Тихана шуткой и полагает, что это была правдивая история.

Будучи свидетелями жизни предков-знахарей, их потомки сохраняют в своих

семейных рассказах множество уникальных деталей. Так, племянник Анны Тихоновны и его жена рассказывали, что знахарка никогда не ходила в лес без подарка для лешего. Если она шла в лес без какой-либо просьбы, то клала подарок («хоть хлеб, хоть конфетку, хоть печенючку какую-то») под молодой сосной; если же была необходимость заручиться помощью лешего, то оставляла два подарка — корочку хлеба на перекрестке дорог, а другое лакомство — «под сосёнкой».

Поскольку среди родственников бытуют сюжеты о встречах знахарей с лешими и домовыми, особый исследовательский интерес вызывал вопрос о страхе, который испытывает любой человек при контакте с мифологическим персонажем. Страх быть уведенным лешим — главная опасность при любой коммуникации с духом: невольной или искомой. Информанты подтверждали, что страх был знаком и предкам-знахарям, потому что при любом неправильном слове или жесте леший мог увести. Соблюдение двух строгих запретов — *смотреть в глаза* лешему и показывать *правую руку*¹⁶ — являлось обязательным условием коммуникации, а также помогало побороть внутренний страх, который неизбежно испытывал знахарь.

«СДП: Ну, начинался ветер такой.

ОПП: Сильный.

СДП: Сильный-сильный ветер. А он высокий, выше леса идет, а потом ниже, ниже, ниже становится.

ОПП: Она в глаза ему не смотрела.

СДП: В глаза нельзя смотреть и руку правую прятать надо.

ОПП: За левую.

СДП: Разговаривает она один на один с ым.

ОПП: Она видела только ноги, как вот она рассказывала, ходила — только его ноги.

СДП: В ноги смотришь, в глаза не смотришь — уведет. Сразу уведет!» (Зап. от С.Д. Петрусева, 1958 г.р. и О.П. Петрусевой, 1965 г.р.) [ФК ИМЛИ. Файл ZOOM0063].

¹⁶ Бинарная оппозиция правой и левой руки в данном рассказе может интерпретироваться различно: 1) правая сторона как праведная, чистая / левая сторона как неправедная, нечистая или 2) как деталь, подчеркивающая потустороннюю природу лешего: «правая пола одежды у него запахнута за левую, левый лапоть надет на правую ногу, а правый на левую, а когда он садится, всегда закидывает левую ногу на правую» [Левкиевская 2002, 280].

Неукоснительное соблюдение границ — еще одно важнейшее условие «безопасной» коммуникации человека с мифологическим персонажем. Так, по словам внука, Тихон Кондратьевич никогда не пас коров — ему их пасли лесные люди. Власть лесовых распространялась и на деревню: их видели за околицей, но только не во дворе. Так, когда лешие приводили скот к воротам, надо было немедленно запускать коров и закрываться: «Никогда не ходил, не загонял. Откроем ворота раньше, пойдет скажет... Лесные люди ему загоняли в ограду. А я говорю: “А если, деда, не закрыть калитку?” — “То, — говорит, — заперют корову”. Возле дома, а в загон, в ограду зашли — всё, они уходят». <Перед воротами> бичами, говорит, захлещут лешие, ну» (Зап. от С. Д. Петрусева, 1958 г.р.) [ФК ИМЛИ. Файл ZOOM0070].

На вопрос, почему лесные люди не могли заходить за ограду, был дан очень интересный ответ: чья власть, того и боятся: «Тут уже власть Тихана, тут уже его боятся». Однако не все мифологические персонажи боялись знахаря на его территории.

Взрослых и детей леший мог увести и при нечаянном нарушении определенных границ уже в самом лесу, например, если человек наступил на тропу лешего. Результатом коммуникации в форме увода (или даже попытки увода) был особый вид страха — испуг, который проникал внутрь человека, становился источником множества болезней и патологических состояний. Помочь такому взрослому или ребенку мог только тот, кто хорошо знал «повадки» леших и умел с ними общаться.

«ОПП: У нас старшего увел. Он маленький был, ему три года было. Он ездил на тракторе с отцом (показывает на мужа. — Е. М.). Отец пахал ездил и это, и его брал. Это мой... наш сын старший. Там уже не сам леший, а маленький лесовенок.

СДП: Вот она... Я сбегал к тетке, она обкурила его. Пришел, кричит ребенок и всё. Я побежал, а он на след наступил.

ОПП: Ему три года было. Они сели, сели обедать...

СДП: Обедать я сел, боронил.

ОПП: А он стал уходить в лес, вглубь стал уходить, а он его закликнул.

СДП: Ну, я крикнул. И поехали домой. Приехал, а он...

ОПП: Сели и поехали домой. Он приехал такой вот бледный-бледный весь, он бледный был, такой был у него испуг — понос, понос, понос.

СДП: Ночью аж эта жуть такая была, аж волос дыбом — он орал.

ОПП: Ой, он орал сильно. Он так кричал, сильно кричал. Ну, тетя Нюра пришла, вот она обкурила, ну, получается бабушка, она неродная, двоюродная бабушка получается. Она обкурила и дом, и его обкурила, и всё, и всё прекратилось.

<Соб.: А чем обкуривали?>

СДП: Мохом.

ОПП: Мохом. Она ходила по деревне — брала, собирала у трех домов...

СДП: Вдовы, где живут.

ОПП: Вдовы, где вдовы живут. Не одинокие женщины просто, именно вдовы. Вот она брала оттуда мох, и заходила в дом, и обкуривала.

<Соб: А кто сказал, что мальчик наступил на след? Это просто так говорят?>

ОПП: Нет, это тетка сказала, это тетя Нюра сказала. Грит, тропы.

СДП: Тропы, вот ходят где оне — у них тропы» (Зап. от С. Д. Петрусева, 1958 г.р. и О. П. Петрусевой, 1965 г.р.) [ФК ИМЛИ. Файл ZOOM0063–0064].

По словам знахарки, ребенок наступил на детскую тропу леших, если бы мальчик наступал на тропу взрослого лешего, то шансов спастись у него не было бы.

«ОПП: А он наступил на детскую тропу. Там дети, видимо, ходят у них отдельно по тропам, потому что, она говорит, если бы на взрослую тропу, если бы он на взрослую тропу наступил, леший бы его увел, он <отец> бы ничего не сделал.

СДП: Я бы ничего не смог сделать.

ОПП: Отец бы ничего не смог сделать. Он бы его увел и всё. Он <сын> бы где-то заблудился, что-то с ним случилось бы» [Там же].

Однако нарушение границы ребенком, который не может обладать магическим знанием, открывает детенышам лесовых путь в дом.

«СДП: Димка рассказывал же.

ОПП: Димка рассказывал. Сын мой стар... наш старший рассказывал.

<Соб: Которому три годика было?>

ОПП: Было, да. Он также видел човечка маленького с бородой, такой же вот.

<Соб: И ребенок лешего тоже с бородой?>

ОПП: Да, да. Ребенок лешего тоже с бородой. Эти лешие высоченные. Их никто и не видел. А это ребенок маленький.

СДП: Звал его.

ОПП: Он его звал. Он его звал. Он там в спальню пришел, прямо за печкой. “Сидит, — говорит, — на печке, зовет меня”. В дом за ним пришел.

СДП: Вот бегал я.

ОПП: Вот он в три часа как он устроил нам скандал!

СДП: А не, не, я... я начал материться.

ОПП: Гришка бегал, приезжал к нам двоюродный брат его.

СДП: Гришка. Двоюродный брат испугался — побегал.

ОПП: Да мы все перепугались, мы вообще перепугались.

<Соб: А он просто плакал?>

ОПП: Не. Он орал, он на меня вот так лез. Я его на руки схватила, он на меня лезет, волосы рвет мне. Мы вообще дома чуть с ума не сошли... Но мы долго его в лес не отпускали. Потом тетя Нюра говорит: “Теперь уже всё, теперь не страшно. Хоть где может ходить — бесполезно ему”» (Зап. от тех же) [ФК ИМЛИ. Файл ZOOM0065].

Из многочисленных рассказов о коммуникации знахарей с различными мифологическими персонажами следует интересный вывод: страх перед лешим неизбежен, но этот страх *знающие люди* (в отличие от

незнающих) умеют контролировать. Более того, согласно логике носителей данной традиции, страх при общении с лешим необходим, потому что он не позволяет знахарю принимать неправильные решения, могущие привести его к гибели: «Я вот **ничего не боюсь**. Только передавать мне дед не стал. Говорит: “Ты... Могут увести, — говорит. — Ты не боишься, ты можешь чего-нибудь да это... Уведут, потому что ты не боишься, — говорит. — Чего-нибудь не так, и всё, — говорит, — уведут сразу”» (Зап. от С. Д. Петрусева, 1958 г.р.) [ФК ИМЛИ. Файл ZOOM0066].

Тема страха (рационального или иррационального) — одна из самых частых в семейных нарративах потомков столыпинских переселенцев. Но упоминания страха как эмоции, постоянно присутствовавшей в жизни людей, в таких рассказах контекстуально существенно различаются: тот, кто обладает особым, магическим знанием, умеет контролировать свой страх. Более того, по мнению исполнителей, страх является необходимым «регулятором» при коммуникации знахаря с мифологическим персонажем, удерживающим первого от губительных, бесстрашных поступков. Фольклорные сюжеты могут коррелировать и с реальными трагическими ситуациями, создавая жизненную канву для репродуцирования все новых и новых вариантов устных нарративов о необъяснимых с рациональной точки зрения, пугающих явлениях.

Источники и материалы

ФК ИМЛИ — Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Фонд Е. В. Миненок.

Левкиевская 2002 — Левкиевская Е. Е. Леший // Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 280.

Мороз, Петров 2015 — Между мифом и историей. Мифология пространства в фольклоре Русского Севера / Сост. А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М.: Форум: Неолит, 2015.

Ракито 2011 — Ракито В. С. Взгляд в прошлое. История водворения белорусских семей в Восточной Сибири // История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы: Матер. науч.-практ. конф. (3 июля 2008 г.) / Отв. ред. Ю. П. Лыхин. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2011. С. 127–136.

Румянцева 2018 — Румянцева А. А. Петрусёвы // «Душа не может без роду своего...» /

Сост. Г. Н. Макогон. Иркутск: Оттиск, 2018. С. 96–105.

Исследования

Басангова 2016 — Басангова Т. Г. Представление страха в детском фольклоре калмыков // Дети и общество: традиции и современность: Матер. Всерос. заоч. науч. конф. [Электрон. изд.]. 2016. С. 26–31. URL: <http://kigiran.com/content/дети-и-общество-традиции-и-современность-материалы-всероссийской-заочной-научной-конференции> (дата обращения: 14.04.2021).

Миненок 1993 — Миненок Е. В. Об одной тенденции развития жанра былички и о новых жанровых образованиях: (К вопросу об «антибыличке») // Начало: Сб. работ молодых ученых. М.: Наследие, 1993. С. 30–43.

Миненок 2004 — Миненок Е. В. Лес и лесовые — народная мечта о земном рае // Этно-поэтика и традиция. К 70-летию члена-корр.

РАН Виктора Михайловича Гацака / Отв. ред. В. А. Бахтина. М.: Наука, 2004. С. 271–276.

Мирвода, Строганов 2021 — Мирвода Т. А., Строганов М. В. Страхи и страшные рассказы детей в эпоху интернета // Культура и текст. 2021. № 1. С. 129–147.

Осорина 2019 — Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2019.

Площук 2017 — Площук Г. И. Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья о лешем (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета) // Псковские говоры и их исследователи: (К 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1-го выпуска «Псковского областного словаря с исто-

рическими данными»): В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков: Логос, 2017. С. 258–272.

Сморгунова 2012 — Сморгунова Е. М. Что же такое «устный нарратив» и что мы от него ждем? // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. / Под ред. Е. Б. Смилянковой. М.: Индрик, 2012. С. 33–46.

Чуфистова 2019 — Чуфистова Я. С. Тема детского страха в русском фольклоре // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: Сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых: В 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019. С. 177–180.

© Е. В. Миненок, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Миненок Е. В. <https://orcid.org/0000-0001-9361-5802>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: + 7 (495) 697-13-89; e-mail: trewsd@yandex.ru

The Theme of Fear in Folklore Narratives by Descendants of Stolypin Migrants to Eastern Siberia

Yelena V. Minyonok

(A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *The article is devoted to the topic of fear (rational or irrational) in family narratives recorded from the descendants of Stolypin migrants to Eastern Siberia. These descendants live in the village of Zhiznevka in the Zalarinsky district of the Irkutsk province. The most common topic of fear is found in local bylichki about Master of Forest (leshiie), and even today, a vivid emotional reaction is caused not only by any potential communication with a supernatural character (e.g., it is very dangerous to step on the trail of a forest spirit because a person who did this will be kidnapped by the forest spirit), but also by the story itself.*

Ordinary people in such stories are contrasted with a “knowledgeable person” who knows how to bring people back from the forest-spirit with the help of magic spells. The recorded folklore fabulates and memorates are cyclized around the local healer-sorcerer (a migrant from the former Bykhovsky district of Mogilev province), who, according to the narrators, had brought with him a book of black magic and was able to communicate with the forest-spirit. He passed on his “knowledge” to his daughter, about whom numerous mythological stories are still existing. People from neighboring areas have visited her in the most hopeless cases (during searches for those who committed suicide in the forest or for those who got lost, etc.).

Oral narratives recorded from the descendants of the healer included interesting, rarely encountered details of magical practices used to protect a person from the forest-spirit or overcome fear towards him.

Key words: Russian folklore, supernatural characters, forest spirit, goblin, Siberian settlers.

Received: March 24, 2021.

Date of publication: June 25, 2021.

For citation: Minyonok Ye. V. The Theme of Fear in Folklore Narratives by Descendants of Stolypin Migrants to Eastern Siberia. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 81–90. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.006>

References

Basangova T. G. (2016) Predstavlenie strakha v detskom folklоре kalmykov [The Representation of Fear in Kalmyk Children's Folklore]. In: *Deti i obshchestvo: traditsii i sovremennost'* [Children and Society: Traditions and Modernity]: Proc. of the All-Russian Corresp. Schol. Conf. Electronic edition. Pp. 26–31. URL: <http://kigiran.com/content/deti-i-obshchestvo-traditsii-i-sovremennost'-materialy-vserossiiskoi-zaochnoi-nauchnoi-konferentsii> (retrieved: 14.04.2021). In Russian.

Chufistova Ya. S. (2019) Tema detskogo strakha v ruskom folklоре [The Theme of Children's Fear in Russian Folklore]. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka* [Actual Questions of Philological Science of the 21st Century]: Col. papers of the VIII Intern. Schol. Conf. of Young Scholars. Part 2. Yekaterinburg: UMTs-UPI. Pp. 177–180. In Russian.

Minyonok Ye. V. (1993) Ob odnoi tendentsii razvitiya zhanra bylichki i o novykh zhanrovnykh obrazovaniyakh: (K voprosu ob "antibylchke") [About One Trend in the Development of the Genre of *Bylichka* and About New Genre Formations (The Question of "Anti-Bylichka")]. In: *Nachalo* [Beginning]. Moscow: Nasledie. Pp. 30–43. In Russian.

Minyonok Ye. V. (2004) Les i lesovye — narodnaya mehta o zemnom rae [Forest and Forest Spirits as the People's Dream of an Earthly Paradise]. In: *Etnopoetika i traditsiya. K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN Viktora Mikhailovicha Gatsaka* [Ethnopoetics and Tradition: On the 70th Anniversary of Viktor Mikhailovich Gatsak, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences]. Ed. by V. A. Bakhtina. Moscow. Pp. 271–276. In Russian.

Mirvoda T. A., Stroganov M. V. (2021) Strakhi i strashnye rasskazy detei v epokhu interneta [Children's Fears and Scary Stories in the Internet Age]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text]. 2021. No. 1. Pp. 129–147. In Russian.

Osorina M. V. (2011) Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh [The Secret World of Children in the Space of the Adult World]. St. Petersburg: Piter. In Russian.

Ploshchuk G. I. (2017) Mifologicheskie rasskazy pskovsko-belorusskogo pogranič'ya o leshem (po materialam fol'klornogo arkhiva Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta) [Mythological Stories of the Pskov-Belarusian Borderland About the Forest Spirit (Based on Materials from the Folklore Archive of Pskov State University)]. In: *Pskovskie govory i ikh issledovateli: (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. M. Gluskinoi i 50-letiyu vykhoda 1-go vypuska "Pskovskogo oblastnogo slovarya s istoricheskimi dannymi")* [Pskov Dialects and Their Researchers (To the 100th Anniversary of S. M. Gluskin's Birth and the 50th Anniversary of the First Volume of the "Pskov Regional Dictionary with Historical Data")]. Part 1. Ed. by N. V. Bolshakova, L. Ya. Kostyuchuk. Kiev: Logos. Pp. 258–272. In Russian.

Smorgunova E. M. (2012) Chto zhe takoe "ustnyi narrative" i chto my ot nego zhdem? [What Is an "Oral Narrative" and What Do We Expect from It?]. In: *O svoei zemle, svoei vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv.* [About Our Land, Our Faith, the Present and the Past in Russia of the 20th — 21st Centuries]. Ed. by E. B. Smilyanskaya. Moscow: Indrik. Pp. 33–46. In Russian.

© Ye. V. Minyonok, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Yelena V. Minyonok <https://orcid.org/0000-0001-9361-5802>

E-mail: trewsd@yandex.ru

Tel.: + 7 (495) 697-13-89

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher of the Folklore Department, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)